

Как мыши кота хоронили

Кошачий род давно враждует с мышиным. Но этот хитрый котище Мурлыка для нас наказание Божье. Вот как я с ним познакомился.

Глупым мышонком хотел было высунуть нос из подполья. Но мать царица Прасковья с крысой Онуфрием крепко-накрепко мне запретили нору мою покидать, но я не послушался, в щёлку выглянул: вижу камнем выстланный двор, освещало солнце его, и окна огромного дома светились, птицы летали и пели. Глаза у меня разбежались.

Выйти не смея, смотрю я из щёлки и вижу на дальнем краю зверёк усатый, сизая шкура, розовый нос, зелёные глазки, пушистые уши, тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка, так и виляет. Потом он своею бархатной лапкой начал усатое рыльце себе умывать. Облилось радостью сердце мое, и я уж собирался покинуть щёлку, чтобы с милым зверьком познакомиться. Вдруг зашумело что-то вблизи; оглянувшись, так я и обмер. Какой-то страшный урод ко мне подходил; широко шагая, черные ноги свои поднимал он, и когти кривые с острыми шпорами были на них, на уродливой шее длинные косы вились змеями, нос крючковатый; под носом какой-то мохнатый мешок и, как-будто красный с зубчатой верхушкой колпак, с головы перегнувшись, по носу бился, а сзади какие-то длинные крючья разного цвета торчали снопом. Не успел я от страха в память придти, как с обоих боков, поднялись у уroda словно как паруса, начали хлопать, и он раздвоив острый нос свой, так заорал, что меня как дубиной треснуло.

Как прибежал я назад в подполье, не помню. Крыса Онуфрий, услышав о том, что случилось со мною, так и ахнул. «Тебя миловал Бог — он сказал мне — свечку ты должен поставить уроду, который так кстати криком своим тебя испугал, ведь это наш добрый сторож петух.

Он горлан и со своими большой забияка; нам же мышам, он приносит и пользу: когда закричит он, знаем мы, что проснулись наши враги; а приятель который так обольстивший тебя своей лицемерной харей, был не иной кто, как наш злодей записной, объедало кот Мурлыка, хорош бы ты был, когда бы с знакомством к этому плуту подъехал: тебя бы он порядком погладил бархатной лапкой своею; будь впредь осторожен».

Долго рассказывать мне об этом проклятом Мурлыке; каждый день у нас от него недочет. Расскажу я только то, что случилось недавно. Разнесся в подполье слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами видели это глазами своими.

Вскружилось подполье; шум, беготня, пискотня, скакание, кувыркание, пляска — словом, мы все одурели, и сам мой Онуфрий премудрый с радости так напился, что подрался с царицей и в драке хвост у неё откусил, за что был высечен больно. Что же случилось потом? Не разведав дела порядком, вздумали мы кота погребать, и надгробное слово тотчас поспело.

Его сочинил поэт наш подпольный Клим, по прозвищу «Бешеный хвост»; такое прозвище дали ему за то, что, стихи читая, всегда он в меру вилял хвостом, и хвост, как маятник, стучал. Все изготовились, отправились мы на поминки к Мурлыке; вылезло множество нас из подполья; глядим мы, и вправду кот Мурлыка в ветчине висит на бревне, и повешен за ноги, мордою вниз; оскалены зубы; как палка вытянутый весть; и спина, и хвост, и передние лапы словно как мёрзлые, оба глаза глядят не моргая.

Все запищали мы хором: «Повешен Мурлыка, повешен кот окаянный, довольно ты, кот, погулял; погуляем нынче и мы». И шесть смельчаков тотчас взобрались вверх по бревну, чтобы Мурлыкины лапы распутать, но лапы сами держались, когтями вцепившись в бревно, а веревки не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись наши ребята, как вдруг распустились когти, и на пол хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались в страхе, и смотрим, что будет. Мурлыка лежит и не дышит, ус не тронется, глаз не моргнёт; мертвец да и только. Вот, ободряясь, из углов мы к нему подступать понемногу начали; кто посмелее, тот дернет за хвост, да и тягу даст от него; тот лапкой ему грозит; тот подразнит сзади его языком; а кто еще посмелее, тот, подкравшись, хвостом в носу у него пощекочет. Кот ни с места, как пень.

«Берегитесь — тогда сказала нам старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у нее он весь зад ободрал, и насили как-то она от него уплелась) — берегитесь: Мурлыка старый мошенник; ведь он висел без веревки, а это знак недобрый; и шкура целая у него». То услыша, громко мы все засмеялись. «Смейтесь, чтобы после не плакать, — мышь Степанида сказала опять, — а я не товарищ вам». И поспешно, созвав мышеняток своих, убралась с ними в подполье она. А мы принялись, как шальные, прыгать, скакать и кота тормошить. Наконец, поуставши, все уселись в кружок, перед мордой его, и поэт наш Клим, по прозвищу Бешеный Хвост, на Мурлыкино пузо влезши, начал оттуда читать нам надгробное слово, мы же при каждом стихе хохотать: и вот что прочёл он: «Жил Мурлыка; был Мурлыка кот Сибирский, рост богатырский, сизая шкурка, усы как турка; был он бешеный, на краже помешан, за то и повешен, радуйся, наше подполье!...»

Но только успел проповедник это слово молвить, как вдруг наш покойник очнулся. Мы бежать... Куда ты! Пошла ужасная травля.

Двадцать из нас осталось на месте, а раненых в трое более было. Тот воротился с ободренным пузом, тот без уха, другой с отъеденной мордой; иному хвост был оторван, у многих так страшно искусаны были спины, что шкурки мотались как тряпки; царицу Прасковью чуть успели в норку уволочь за задние лапки; царь Иринарий спасся с рубцом на носу; но премудрый крыса Онуфрий с Климом-поэтом достались Мурлыке прежде других на обед.

Так кончился пир наш бедою.